

ПУБЛИКАЦИИ

Н.Я.Эйдельман - В.П.Астафьеву

Уважаемый Виктор Федорович!

Прочитав все или почти все Ваши труды, хотел бы высказаться, но прежде представлюсь.

Эйдельман Натан Яковлевич, историк, литератор /член СП/, 1930 года рождения, еврей, москвич, отец в 1910-м исключен из гимназии за пощечину учителю-черносотенцу, затем - журналист /писал о театре/ участник I-ой мировой войны, в 1950-55м сидел в лагере, мать - учительница, сам же автор письма окончил МГУ, работал много лет в музее, школе, специалист по русской истории 18-19 веков /Павел I, Пушкин, декабристы, Герцен/.

Ряд пунктов проведенной "анкеты" Вам, мягко говоря, не близок - да ведь читателя не выбирают.

Теперь же позволю себе высказать несколько суждений о писателе Астафьеве.

Ему, думаю, принадлежат лучшие за многие десятилетия описания природы /"Царь-рыба"/, в "Правде" он сказал о войне, как никто не говорил. Главное же - писатель честен, не циничен, печален. Его боль за Россию настоящая и сильная, картина гибели, распада, бездуховности - самые беспощадные.

Не скрывает Астафьев и наиболее ненавистных, тех, кого прямо или косвенно считает виноватыми...

Это - интеллигенты-дармоеды, "туристы", те, кто орут по-бусурмански, москвичи, воскликнувшие "вот когда я был на Варне, Баден-Бадене". Наконец- инородцы.

На что скажут, что Астафьев отнюдь не ласкает также и своих, - русских крестьян, городских обывателей.

Так, да не так! Как доходит дело до "корня зла", обязательно все же появляется злозвещий Гога Герцев /имя и фамилия более чем сомнительные: похоже на Герцен, а Гога после подвергается осмеянию в связи с Грузией/. Страшна жизнь в душе героев "Царь-рыбы", но ж Гога куда хуже всех пьяниц и убийц вместе взятых, ибо от него вся беда.

Или по-другому: голод, распад, рууская беда - а тут "было что-то неприятное в облике и поведении Отара. Когда, где научился он барственности? Или на курсах он был один, а в Грузии другой, похожий на всем известного типа, которого и грузином-то не поворачивается язык назвать. Как обломанный, занозистый сучок на дереве человеческом, торчит он по всем российским базарам, вплоть до Мурманока и Норильска, с пренебрежением обдирая доверчивый северный народ подгнившим фруктом или мятными, полумертвими цветами"...

"Жадный, безграмотный, из тех, кого в России уничтожительно зовут "копеечная душа", везде он распоясан, везде он с растопыренными карманами, от немытых рук залоснившимися, везде он швыряет деньги, но учитывает жену, детей, родителей в медяках, развел он автомобилеманию, пресмыкание перед импортом, зачем-то, видать для соблюдения моды, возит за собой жирных детей, и в гостиницах можно увидеть одышливого Гогио, восьми лет от роду, всунувшего в джинсы, с сонными глазами, утонувшими среди лоснящихся щек" /рассказ пискарей в Грузии/, журнал "Наш современник" 1986 г. № 5. стр.125/.

Слова, мною подчеркнутые, несут большую нагрузку: всем надоели кавказские торгаши, "копеечные души"; то есть, иначе говоря, у всех у нас этого нет, только у них: за счет бедных доверчивых северян жиредет отвратительный Гогия /почему Гогия, а не Гоги?/.

Сила ненавидящего слова так велика, что у читателей не должно возникнуть сомнения: именно эти немногие грузины /хорошо известно, что торгует менее одного процента народа/ - в них особое зло и, пожалуй, если бы не они, то доверчивый северный народ ел бы много отнюдь не подгнивших фруктов и не испытывал бы недостатка в прекрасных цветах.

"Но ведь тут много правды, - восклицает иной простак, - есть на свете такие Гоги, и Астафьев не против грузинского народа, что хорошо видно из всего рассказа с пискарями в Грузии."

Разумеется, не против; но вдруг забыли /такому мастеру/ не простительно/, что крупица правды, использованная для ложной цели, в ложном контексте - это уже кривда и, может быть, худшая.

В наш век, при наших обстоятельствах только сами грузины

и могут о себе так писать, или ещё жестче /да, кстати, и пишут - их литература, театр, кино, искусство не хуже российского/; подобное же лирическое отступление, написанное русскими первом, та самая ложка дегтя, которую не уравновесят целые бочки русско-грузинского застольного меда.

Пушкин сказал: "Я, конечно, презираю Стечество моё с головы до ног, но мне досадно, если иностранец разделит со мной это чувство"; стоит задуматься, - кто же презирает, кто же иностранец?

Однако, продолжим. Почему-то многие толкуют о "грузинских обидах" по поводу цитированного рассказа; а ведь в нем находится одна из самых дурных, безнравственных страниц нашей словесности: "По дикому обычью, монголы в православных церквях устраивали конюшни. И этот дивный и суровый храм /Гелати/ они тоже решили осквернить, загнали в него мохнатых коней, и развели костры и стали жрать недожаренную, кровавую конину, обдирая лошадей здесь же, в храме, и пьяные от кровавого разгула, сми посваливались раскосыми мордами в вонючее конское дермо, ещё не зная, что создатели на земле для вечности строят храмы вечные". /там же, стр.133/.

Что тут скажешь?

Удивляюсь молчанию казахов, бурятов. И кстати бы вспомнить тут других монголоидов - калмыков, крымских татар - как их в 1944 году из родных домов, степей и гор "раскосыми мордами в дермо"...

Чего тут рассуждать? - расютские строки. Сказать по правде, такой текст, вставленный в рассказ о благородной красоте христианского храма Гелати, выглядит не меньшим кощунством, чем описанные в нем надругательства.

170 лет назад монархист, горячий патрист - государственник Николай Михайлович Карамзин, совершенно не думавший о чувствах монголов и других инородцев, иначе описал Батыево нашестье, перечислив ужасы завоевания /растоптанные конями деши, изнасилованные девушки, свободные люди рабами у варваров, "живые завидуют спокойствию мертвых"/, - ярко обрисовав все это, историк-писатель, мы угадываем, задумался о том, что, в сущности, нет дурных народов, а есть трагические обстоятельства, - я прибавил удивительно честную фразу: "Россия испытывала

тогда все бедствия, претерпленные Римской империей... когда северные дикие народы громили её цветущие области. Варвары действуют по одним правилам, и разнствуют между собой только в силе". Карамзин, горющий о страшном несчастье, постигшем его родину, даже тут опасается изменить своему обычному широкому взгляду на вещи, высокой объективности: ведь ужас татарского бедствия он сравнивает с набегами на Рим "северных варваров, среди которых важнейшую роль играли дракние славяне, прямые предки тех, кого громит и грабит Батый."

Мало этого примера, вот ещё один! Вы, Виктор Петрович, конечно, помните строки из "Хаджи Мурата", где описывается горская деревня, разрушенная русской армией: "Фонтан был загажен, очевидно, нарочно, так что воды нельзя было набрать из него. Также была загажена мечеть... Старики-хозяева обрадались на площади и, сидя на корточках обсуждали свое положение. О ненависти к русским никто не говорил. Чувство, которое все испытывали, от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми, и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения."

Сильно писал Лев Толстой. Ну, а если бы вообразить эти строки, написанные горцем, грузином, "иностраницем"?

С грустью приходится констатировать, что в наши дни меняется понятие народного писателя: в прошлом – это прежде всего выразитель высоких идей, стремлений, ведущий народ за собой, ныне это может быть и глашатай народной злобы, предрассудков, не поднимающий людей, а опускающийся вместе с ними.

На этом фоне уже пустяк фраза из "Печального детектива", что герой в пединституте изучает лермонтовские переводы с немецкого вместе с "десятком еврейчат". Любопытно было бы только понять, – к чему они в рассказе, если ни до, ни после больше не появляются. К тому, может быть, что вот-де в городе разивается страшный, печальный детектив, а десяток инородцев /отчего десяток: видно, все в пединституте сконцентрировались?

Как видно, конкурс для них особенно благоприятен? - эти люди заняты своей ненужной деятельностью? Или тут обычная астафьевская злая ирония на счет литературоведения: вот-де "еврейчата" доказывают, что Лермонтов портил немецкую словесность, ну и сами-то хороши?...

Итак, интеллигенты, москвичи, туристы, толстые Гоги, Гоги Герцены, косомордые, еврейчата, наконец, дамы и господа из ли- фондовских домов: на них обрушивается ливень злобы, презрения, отрицания. Как ни на кого другого: они хуже всех...

А если воерьез, то Вам, Виктор Петрович, замечу, как читатель, как специалист по русской истории: Вы /да и не Вы один!/ нарушаете, вернее - очень хотите нарушить, да не всегда удается -собственный дар мешает оспорить - главный закон российской мысли и российской словесности. Закон, завещанный величайшими мастерами, состоит в том, чтобы, размышляя о плохом, ужасном, прежде всего винить себя, помнить, что "нельзя освободить народ внешне более, чем он свободен изнутри" /Любимое Львом Толстым изречение Герцена/. Что касается всех личных, общественных, народных несчастий, то чем сильнее и страшнее они, тем в большей степени их первоистоки находятся внутри, а не снаружи. Только подобный нравственный подход ведет к истинному высокому мастерству. Иной взгляд - самоубийство для художника, ибо обрекнет его на злое бесплодие.

Простите за резкие слова, но Вы сами, своими сочинениями, учите подходить без прикрас.

С уважением Н.Эйдельман

24 августа 1986 г.

В.П.Астафьев - И.Я.Эйдельману

"Не напоивши не накормивши, добра не сделавши - врага не наживешь" - русская пословица.

Натаан Яковлевич!

Вы и представить себе не можете, сколько радости доставило мне Ваше письмо. Отовсюду пишут о национальном возрождении русского народа, но говорить и писать - одно, а возрождаться не на словах, а на деле, не на бумаге - совсем другое дело.

У всякого национального возрождения, тем более русского, должны быть противники и враги. Возрождаясь, мы можем дойти до того, что станем петь свои песни, танцевать свои танцы, писать на родном языке, а не на навязанном нам "эсперанто", тонко называемом "литературным языком". В своих шовинистических устремлениях мы можем дойти до того, что пушкиноведы и лермонтоведы у нас будут тоже русские, и, жутко подумать, - собрания сочинений отечественных классиков будем составлять сами, энциклопедии и всякого рода редакции, театры, кино тоже "приберем к рукам" и, о, ужас! О, кошмар! Сами прокомментируем "Дневники" Достоевского.

Нынче летом умерла под Загорском тётушка моей жены, бывшая нам вместо матери, и перед смертью сказала мне, услышав о комедии, разыгранной нрузинами на съезде: "Не отвечай на зло злом, оно и не прибавится..."

Последую ее совету и на Ваше чёрное письмо, переполненное не просто злом, а перекипевшим гноем еврейского высоко интеллектуального высокомерия /Вашего привычного уже "трунения"/, не отвечу злом, хотя мог бы, кстати, привести цитаты и, в первую голову, из Стасова, насчет клопа, укус которого несмертен, но...

Лучше я разрешу Ваше недоумение и недоумение московских евреев по поводу слова "еврейчата", откуда, мол, оно взялось, мы его слыхом не слыхивали?!

"...этот Кулаковский был из числа тех поляков, которых

мой отец вывез маленьким из Польши и присвоил себе в собственность, между ними было несколько и жицентя... /Н.Эйдельман.
"История и современность в художественном сознании поэта",
стр.339/.

На этом я кончу, пожалуй, хотя цитировать мог бы многое.
Полагаю, что память у меня не хуже Вашей, а вот глаз, зрячий,
один, оттого и пишу на клетчатой бумаге, по возможности, кратко.

Более всего меня в Вашем письме поразило скопище зла,
Это что же Вы, старый человек, в душе-то носите?! Какой груз
зла и ненависти клубится в Вашем чреве? Хорошо хоть фамилией
своей подписываетесь, не предаете своего отца. А то вот не менее,
чем Вы злой, но совершенно осученный атеист Иосиф Аронович
Крывелёв и фамилию украл и ворованной моралью-надалью питается.
Хрет со стола лжи и глазки невинно закатывает, считая всех во-
круг людьми бесчеснными и лживыми.

Пожелаю Вам того же, чего пожелала дочь нашего последнего
царя, стихи которой были вложены в "Евангелие" - "Господь!
Прости нашим врагам. Господь! Прими и их в объятия". И она,
и сестры ее, и братец, обезноживший окончательно в ссылке, и
отец с матерью расстреляны, кстати, евреями и латышами, которых
возглавлял отпетый, махровый сионист Юрковский.

Так что Вам, в минуты утешения души, стоит подумать и над
тем, что в лагерях вы находились и за преступления Юрковского
и иже с ним, маялись по велению "Высшего судии", а не по раз-
вязности одного Ежова.

Как видите, мы, русские, еще не потеряли памяти и мы всё
еще народ Большой и нас всё еще мало убить, но надо и повалить.
... За сим кланяюсь. И просвети Вашу душу Всемилостивейший
Бог!

14 сентября 1986 г. С.Овсянка.
За почерк прощения не прощу - война виновата.

Н.Я. Эйдельман - В.П.Астафьеву

Виктор Петрович! Желая оскорбить - удручили. В диких снах не мог вообразить в одном из властителей дум столь примитивного, животного шовинизма, столь элементарного невежества. Дело не в том, что расстрелом царской фамилии /давно установлено, что большая часть исполнителей были екатеринбургские рабочие/ руководил не "сионист Юрковский", а "большевик Юрковский" /сионисты преследовали, как Вам очевидно ~~занесено~~ неизвестно, совсем другие цели - создание отдельного еврейского государства в Палестине/, дело не в том, что ничтожный Крывелев носит, представьте, собственную фамилию /как и множество столь же симпатичных "воинствующих безбожников" разных национальностей/, дело даже не в логике "Майн Кампф" о наследственном национальном грехе /хотя, если мой отец сидел за грех "Юрковского", тогда Ваши личные беды, выходит, - плата за разделы Польши, унижение инородцев, еврейские погромы и прочее/. Наконец, дело не в том, что оказались неспособным прочесть моё письмо, ибо не ответили ни на одну его строку/филологического запроса о слове "еврейчата" я не делал, да Вы, кстати, заменили его в отдельном издании на "вейчата": неужто цензуры убоялись?/.

Главное: найти в моем письме много зла можно было лишь в цитатах, Ваших цитатах, Виктор Петрович, - может быть, обознавшись, на них обрушились?

Несколько раз елейно толкуя о христианском добре, - Вы постоянно выступаете неистовым - "око за око" - ветхозаветным иудеем. Подобный тип мышления и чувствования - уже есть ответ о причинах русских и российских бед: "Нельзя освободить народ внешне более, чем он свободен внутренне". Спор наш /если это спор/ разрешится очень просто: если сможете писать хорошо, лучше, сохранив в неприкосновенности нынешний строй мыслей, - тогда Ваша правда! Но ведь не сможете, последуете примеру Белова, одолевшего-таки злобностью своей дар и научившегося писать вполне бездарную прозу /см. его роман "Всё впереди" - Наш современник, № 7-8, 1986/.

Прощайте, говорить, к сожалению, не о чём,
Главный ответ Вам - собственный текст, копии которого,-
чтоб не забыли! - возвращаю.

28 сентября 1986 г.